

РАЗВИТИЕ КАТЕГОРИИ ОДУШЕВЛЁННОСТИ В ИСТОРИИ ЯЗЫКА

Мавлянова Тамилла Бахрилловна

д.ф.ф.н. (PhD) кафедры русского языка и литературы

Самаркандского государственного педагогического института

Саъдуллаева Севинч Фирузовна

студентка 3 курса факультета языков

Самаркандского государственного педагогического института

Аннотация: В данной статье исследуется процесс формирования и эволюции категории одушевлённости в диахроническом аспекте. Рассматриваются этапы трансформации праславянской системы склонения, приведшие к выделению особой морфологической оппозиции «одушевлённость — неодушевлённость». В работе анализируются причины экспансии формы родительного падежа на винительный для имен существительных, обозначающих лиц и живых существ. Особое внимание уделяется хронологии закрепления категории в различных типах склонения и её связи с развитием категории рода. Результаты исследования позволяют проследить логику становления грамматической системы и механизмы взаимодействия морфологии с семантикой.

Ключевые Слова: история языка, категория одушевлённости, праславянский язык.

Категория одушевлённости представляет собой одну из наиболее самобытных и структурно значимых категорий славянской морфологии, эволюция которой неразрывно связана с когнитивным развитием человека и его стремлением упорядочить окружающую действительность. В отличие от категорий числа или рода, которые имеют глубокие индоевропейские корни, одушевлённость в её современном грамматическом понимании (как совпадение форм винительного и родительного падежей) является продуктом специфически славянского исторического пути. На ранних этапах развития языка грамматика не знала формального разделения на «живое» и «неживое», опираясь исключительно на формально-морфологические типы основ. Актуальность глубокого изучения истории данной категории обусловлена тем, что она наглядно демонстрирует переход от формального принципа организации языка к семантическому. Процесс становления одушевлённости — это не просто смена окончаний, а масштабная перестройка всей синтаксической и морфологической парадигмы. Данная

категория стала ответом на коммуникативный кризис, возникший в результате фонетических изменений, стерших границы между субъектом и объектом действия. Введение одушевлённости позволило языку сохранить информативность и точность в условиях упрощения флективной системы.

Исследование путей развития одушевлённости в диахронии открывает доступ к пониманию того, как древний человек классифицировал объекты мира. Это категория, находящаяся на стыке грамматики, психологии и мифологии. Процесс её формирования растянулся на тысячелетия, начавшись в праславянскую эпоху и завершившись лишь в XVII–XVIII веках, что делает её уникальным объектом для лингвистической реконструкции механизмов языковой динамики.

В древнейший праславянский период существительные распределялись по типам склонения в зависимости от тематического гласного (основы на -о, -а, -и, -і и согласный). В этой системе существительные мужского рода на -о (самый массовый тип) имели идентичные формы именительного и винительного падежей в единственном числе. Это означало, что существа активные, способные к самостоятельному действию (люди, животные), морфологически не отличались от пассивных предметов. С развитием анализма и ослаблением падежной системы возникла острая необходимость маркировать прямое дополнение, если оно является одушевленным, чтобы избежать двусмысленности в высказывании.

Первые ростки одушевлённости появились в системе личных местоимений. Местоимения мене, тебе, себе стали первыми формами, где родительный падеж вытеснил винительный для обозначения объекта. Этот «местоименный» импульс постепенно начал транслироваться на существительные, обозначающие мужчин — социально активных членов общества. Первоначально это коснулось только узкого круга слов, обозначающих свободного человека, главу рода. Таким образом, одушевлённость на своем начальном этапе была не биологической, а социальной категорией.

В эпоху письменного древнерусского языка процесс экспансии родительного падежа на винительный (модель Р.п. = В.п.) приобретает системный характер. Исследование памятников письменности показывает, что категория развивалась по иерархическому принципу: сначала закрепились у названий свободных людей, затем распространилась на названия рабов, детей и, наконец, на названия животных. Это так называемая «иерархия одушевлённости», отражающая постепенное

расширение круга объектов, наделяемых качеством «активного деятеля». Важным фактором стало влияние категории рода. После падения редуцированных гласных и упрощения системы склонения, мужской род оказался в ситуации, где одушевлённость стала его главным внутренним дифференциатором. Средний род, напротив, в силу своей исконной семантики «вещности» и пассивности, остался полностью неодушевленным (И.п. всегда равен В.п.). Интересно, что названия детей и детенышей в среднем роде (чадо, отроча, теля) долгое время сопротивлялись одушевлённости именно из-за своей родовой принадлежности. Это свидетельствует о мощном сопротивлении грамматической системы семантическим инновациям.

Наиболее длительным и сложным был процесс оформления одушевлённости во множественном числе. Если в единственном числе категория в основном сложилась к XIV веку, то во множественном числе еще в XVI веке можно встретить формы типа «послать свои слуги» вместо «слуг». Это объясняется тем, что категория множественности когнитивно воспринимается как совокупность, масса, где индивидуальные признаки объектов (в том числе их «живость») выражены слабее. Окончательное торжество одушевлённости во множественном числе для имен мужского и женского рода произошло лишь в XVII веке. Это стало завершающим аккордом в перестройке русской морфологии. Именно на этом этапе одушевлённость охватила и женский род (вижу женщин, коров), где в единственном числе формы И.п. и В.п. и так различались флективно (жена — жену). Таким образом, категория приобрела характер системной аналогии, объединив разные типы склонения под единым семантическим правилом.

История языка сохранила множество примеров, когда статус объекта (одушевленный или неодушевленный) менялся в зависимости от отношения к нему человека. В народных говорах и древних текстах признаки одушевлённости могли приобретать названия небесных светил (месяц, солнце), мифологических существ и даже некоторых инструментов, если они воспринимались как «помощники» или живые сущности. Это доказывает, что одушевлённость в истории русского языка всегда была больше, чем просто грамматика — она была инструментом мифопоэтического освоения мира. Развитие категории в отношении слов «мертвец» и «труп» представляет собой классический пример лингвистической палеонтологии. В то время как «мертвец» и «покойник» исторически и грамматически одушевлены, слово «труп» сохранило неодушевлённость. Это связано с тем, что первые два слова в сознании древнего человека продолжали обозначать личность, человека, лишь

перешедшего в иной мир, тогда как «труп» осознавался как материальный остаток, лишенный духа. Такие дивергенции показывают, что грамматика способна консервировать этические и религиозные представления древности на протяжении столетий.

Становление одушевлённости имело колоссальные последствия для русского синтаксиса. Переход к модели Р.п. = В.п. окончательно устранил риск смешения субъекта и объекта, что развязало руки синтаксической системе. В отличие от языков с жестким порядком слов (например, английского или французского), где позиция слова определяет его роль, русский язык смог развить чрезвычайно гибкий порядок слов. Благодаря четкой морфологической маркировке одушевленного объекта, стало возможным ставить его в начало предложения без потери смысла, что обогатило язык огромным арсеналом экспрессивных и интонационных средств.

Кроме того, категория одушевлённости повлияла на развитие системы согласования. Прилагательные и причастия стали менять свою форму в зависимости от одушевлённости определяемого существительного (вижу нового ученика и вижу новый стол) . Это окончательно цементировало категорию, превращая её из узкоморфологического признака существительного в общеязыковой принцип организации словосочетания. Таким образом, одушевлённость стала тем «цементом», который связал морфологию и синтаксис в единую, логически завершённую систему.

Подводя итог историческому обзору, можно утверждать, что категория одушевлённости в русском языке прошла путь от локального способа устранения омонимии в мужском роде до фундаментального грамматического принципа. Её развитие отражает общую тенденцию эволюции языка: от формальной сложности древних основ к семантической прозрачности и функциональности. Одушевлённость стала результатом синтеза логического мышления и языковой экономии, позволив носителям языка четко дифференцировать мир активных субъектов и пассивных объектов.

Формирование этой категории наглядно иллюстрирует антропоцентрическую природу языка, где человек является точкой отсчета для всей грамматической системы. Процесс, длившийся более десяти веков, завершился созданием уникальной иерархии, в которой биологические и социальные факторы нашли свое отражение в падежных окончаниях. Сегодня изучение истории одушевлённости не только проясняет происхождение многих «трудных» правил современной грамматики, но и позволяет увидеть, как через структурные изменения в

языке кристаллизовалась национальная картина мира, основанная на глубоком различении живого и вещного начал.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка. — М.: Просвещение, 1990.
2. Кузнецов П. С. Очерки исторической морфологии русского языка. — М.: Изд-во АН СССР, 1959.
3. Мейе А. Общеславянский язык. — М.: Изд-во иностранной литературы, 1951.
5. Хабургаев Г. А. Очерки исторической морфологии русского языка. Имена. — М.: Изд-во МГУ, 1990.
6. Шахматов А. А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. — Пг., 1915.
7. Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. — М.: Наука, 1965.
8. Горшкова К. В., Хабургаев Г. А. Историческая грамматика русского языка. — М.: Высшая школа, 1981.